

Тяжелый на подъём Баджие проигнорировал своего учителя Тан Саньцзана и продолжил неторопливый рассказ:

— Этот Лю Дунбинь впервые спустился с гор побродить по белу свету, желая отыскать в мире смертных людей с кармической связью, способных обрести Дао, и просветить их. К сожалению, он искал целый год, но не нашёл ни единого человека. Тогда он нахмурился, и в его голове созрел план. Поскольку в горах он слышал от наставника, что если подняться на самую вершину Тайской и оглядеться, то там, где клубится фиолетовый туман, обитают пять гегемонов и удельные князья; где поднимается черный туман — горные демоны и водяные чудища; а где виден лазурный туман — обретшие Дао бессмертные и божества.

Над головами тех, кого укрывают благоприятные облака и праведный свет, сияют добродетель и благочестие. И вот он взлетел на облако и принялся осматривать окрестности со всех сторон, пока вдалеке не заметил столб лазурного тумана, устремляющийся прямо в небеса. Дунбинь воскликнул: — Отлично! Здесь наверняка есть бессмертный! — С этими словами он опустил на землю и позвал местного духа земли, чтобы расспросить его: — Чей это мужчина или женщина внизу, откуда поднимается лазурный туман?

Дух земли ответил:

— В нижнем мире, в городе Сицзин, префектура Хэнань, у переулочка Тунтосянь, живет женщина по фамилии Инь. Ей за тридцать, и она еще не замужем. Из поколения в поколение ее семья почитает Дао и накопила немало скрытых благих заслуг. Эта женщина — потомок Инь Кайшаня из династии Тан, уже в седьмом поколении носит женский облик, отсюда и этот лазурный туман...

Сунь Укун перестал слушать речи Баджие и всем сердцем переключился на фрукты с плодового банакета.

Его глаза упали на праздничные столы. Пир действительно стоил тысячелетнего грандиозного собрания!

Столбы ломились от всевозможных божественных нектаров и драгоценных вин. Небесные персики и редкие диковинные фрукты, преподнесённые в дар из горных пещер и обителей бессмертных, привели Укуна в такой восторг, что он не переставал чесать в затылке и за ухом, наслаждаясь угощением от всей души. Остальные же небожители сидели на своих местах шаг в шаг, строго соблюдая правила и этикет, и даже ели по уставу, не смея нарушить ни единого предписания.

Вскоре Укун почувствовал, как алкоголь ударил ему в голову, и он потерял над собой контроль, начав хвастаться и бахвалиться прямо во время собрания. Его хвастовство другие бессмертные ещё могли стерпеть, но один из них не выдержал — то был Бог Войны Юйцзян.

Прежде Бог Войны Юйцзян охранял Небесные чертоги, и жизнь его была безмятежной и вольной. Куда бы он ни приходил, все неизменно встречали его с глубочайшим почтением, восхваляя его доблесть и боевую мощь. Даже в такой день все должны были восхвалять его самого — с какой стати ему теперь выслушивать чужое хвастовство?!

Услышав хвастунские речи Укуна, он вскипел от гнева и не удержался от презрительного смеха.

Укун же обладал на редкость чутким слухом и тут же понял, что Бог Войны Юйцзян над ним смеется. Он немедленно отпарировал:

— Я, твой старый дедушка, беседую здесь, а тебя разве кто-то просил вставлять свои пять копеек?

Бог Войны Юйцзян холодно усмехнулся:

— Сам себя нахваливаешь — неужто не боишься, что у людей от смеха зубы выпадут?

— С чего это я нахваливаю себя? Какое из моих слов неправда?

— Сплошное бахвальство! Рассказываешь, как громил Небесные чертоги, так почему не вспомнишь, как тебя прижали под горой на пятьсот лет? Рассказываешь, как добывал писания на Западе, да только сегодня бегаешь за подмогой на этот край света, а завтра — на другой. Если бы ты, обезьяна, полагался исключительно на собственные способности, ты бы, боюсь, не только Тан Саньцзана не защитил, но и себя самого не уберёг.

С момента своего рождения Сунь Укун отродясь не слышал в свой адрес подобных оскорблений! Все эти годы, куда бы он ни направлялся, его везде встречали и провожали с почестями, расточая бесконечные хвалы: то Великий Мудрец то то, то Великий Мудрец се. Он от природы обладал вспыльчивым нравом — как он мог стерпеть такие оскорбления? Его глаза мгновенно покраснели, шерсть встала дыбом, и он взревел:

— Ах ты, пернатая тварь! Неужели старый дедушка тебя боится? Спускайся сюда, сразимся на смерть, и посмотрим, кто из нас сильнее!

Сначала Бог Войны Юйцзян просто вышел из себя и бросил пару колких фраз в адрес Укуна, опасаясь гнева Нефритового Императора. Но теперь они уже вовсе бранились, а Нефритовый Император словно и не замечал ничего: он невозмутимо поел фруктов, а затем завел беседу с Чаньэ.

И тогда Бог Войны Юйцзян осмелел еще больше:

— К чему вообще состязаться? В былые дни, когда ты бунтовал на небесах, тебя уже усмирил Татхагата. А теперь — уверен ли ты, что сможешь победить Будду?

Даже красноречивый язык Укуна запнулся от такой шпильки. Он добрую половину минуты заикался, прежде чем вымолвил:

— И что по-твоему? Я, конечно, не ровня Будде, но ты, мелкий Юйцзян, как можешь меня одолеть? Сегодня, перед лицом Будды и великих бессмертных, давай сойдемся в бою еще раз, и я превращу тебя, Бог Войны Юйцзян, в свинорылого Ван У!

Прекрасный плоновый банкет был безнадежно испорчен Сунь Укуном. Среди небожителей началась суматоха, но никто не смел раскрыть рта, опасаясь, что гнев обрушится на их собственные головы. Они лишь тревожно косились на выражения лиц Будды Татхагаты и Нефритового Императора, решая, как поступить.

Однако Будда сидел с закрытыми глазами в глубокой медитации, словно вокруг него не существовало вообще ничего. Нефритовый Император и Сиванму хоть и посинели от гнева,

хранили абсолютное молчание.

Бог Войны Юйцзян лишь презрительно хохотал:

— Сунь Укун, чем ты собираешься со мной тягаться? Под моим началом миллион небесных воинов и генералов, я прошел сквозь небеса и землю, истребив бесчисленное множество демонов и духов. Сто восемьдесят боевых построений, триста шестьдесят видов противников — чем ты можешь со мной потягаться?! — выкрикнув это, он с красующимся видом взмахнул в руке алебардой, подпирающей небо.

Бессмертные смотрели на то, как Укун от злости задыхался и кряхтел, испытывая смешанные чувства злости и веселья. Укун от природы обладал горделивым нравом и, кроме Будды Татхагаты, ни во что не ставил практически никого. Все втайне надеялись, что он получит урок и его спесь немного укротят, так что они с удовольствием предвкушали зрелище. А Укун, разъяренный до предела, прыгал с одного стола на другой и вопил:

— Будь ты мужчиной, подойди и сразись!

Видя, что Укун кипит от ярости, Бог Войны Юйцзян остался очень доволен и с усмешкой произнес:

— Сунь Укун, дело не в том, что я боюсь тебя или не хочу драться. Просто из-за тебя я скован по рукам и ногам и не волен в своих поступках. Если сможешь вымолить у Нефритового Императора прощение для меня и освободить меня, я так и быть составлю тебе компанию. Как тебе такое предложение?

Эти слова заставили Укуна шумно втянуть воздух от злости. При всей своей дерзости и нахальстве, он никак не мог просить Нефритового Императора о подобном: ведь он сам оскорбил владыку небес, разгромил его дворец, перебил коллекцию сокровищ и разрушил покои.

Но проглотить эту обиду без просьбы к Нефритовому Императору было выше его сил, а просить — означало лишь выставить себя посмешищем.

С самого своего рождения Сунь Укун еще не сталкивался с подобной дилеммой и совершенно не знал, что делать, лишь судорожно чесал в затылке и за ухом.

Тогда Бог Войны Юйцзян снова подал голос:

— Я знаю, что ты кое на что способен, Укун, у тебя есть определенные навыки. Но запомни: нет предела совершенству, и над каждым мастером найдется небо повыше. Найдется немало тех, кто превосходит тебя силой. Я загадаю тебе одну задачу. Если ты справишься, я, Бог Войны Юйцзян, отныне признаю твое превосходство и больше никогда не произнесу в твоём присутствии ни единого неуважительного слова. Идёт?

Укун застрял между двух огней. Он прекрасно понимал, что Бог Войны Юйцзян не предложит ничего легкого, но это давало ему хоть какой-то выход. К тому же слова соперника были сказаны так искусно — в них переплетались похвала и унижение, вызов и насмешка, — что они буквально лишили его дар речи. Да и собственный характер не позволял ему признать

поражение. Укун завопил:

— Выкладывай! Посмотрю я, какая задача сможет поставить меня в тупик!

— Через десять дней я буду ждать тебя в дворцовых покоях Юйцзян на горе Пяти Пальцев! Тогда мы и сможем помериться силами!

Услышав это, Сунь Укун не стал сомневаться и сразу же согласился, решив спустя десять дней как следует проучить этого «сопняка», чтобы тот перестал поминутно козырять своей миллионной армией и досаждать ему.

Цзинь Яньцзы оставалась рядом с ними двоими, пока Мастер Майтрея не пришел в себя. Только тогда она с улыбкой произнесла:

— Ваша ученица Цзинь Яньцзы приветствует досточтимого настоятеля.

Мастер Майтрея непринужденно улыбнулся и спросил:

— Этот молодой господин еще не очнулся?

В его голосе звучали нотки веселья и уверенности победителя.

— Пока нет. Мастер обладает глубокой внутренней энергией, с которой ему, конечно, не сравниться.

Мастер Майтрея махнул рукой, подошел к Линь Гофэну и присел на корточки, чтобы проверить пульс. Спустя мгновение он с улыбкой произнес:

— Этот парень поистине обладает невероятным талантом! Я вижу, что натура у него не дурная, просто он сейчас полностью истощил свою ци и немного ослаб.

При этих словах в нем тут же проснулась любовь к талантливым ученикам.

Услышав это, Цзинь Яньцзы тоже почувствовала беспричинное облегчение.

Спустя долгое время Линь Гофэн, оправдав ожидания, наконец слегка пришел в себя.

— Где это я?..

— Монастырь Гушань.

Линь Гофэн замер:

— Монастырь Гушань? Неужели тот самый из стихотворения: «К северу от монастыря Гушань, к западу от павильона Цзя»?

Не став расспрашивать дальше, он понял, что теперь находится в положении пленника.

— Ха-ха-ха, парень, вступай в мою обитель Шаолинь, и тебя непременно ждет великое будущее. Что скажешь? — с улыбкой испытующе спросил Мастер Майтрея.

— Не знаю... По мнению мастера, чем мастер рассчитывает меня впечатлить? — он моргал глазами, и смысл этого выражения не оставлял сомнений: мастер только что едва свел бой со мной вничью, с какой стати мне теперь становиться его учеником? К тому же его наставниками были главные герои — Джеки Чан и Джет Ли, а также Лю Дунбинь и Лань Цайхэ! То были Восемь Бессмертных!

— Верно! Бедный монахиня... то есть я, только что проиграл тебе, — Мастер Майтрея беззаботно рассмеялся, ничуть не смутившись. — Но боевые искусства Шаолиня обширны и глубоки, так что изучить их всяко лучше, чем не уметь ничего! К тому же я вовсе не требую, чтобы ты брил голову и уходил в монахи.

Непринужденность Мастера Майтрея вызвала у Линь Гофэна искреннее удивление. Обычно именитые старцы дорожат собственной репутацией и предпочитают признавать поражение, не теряя лица, но Мастер Майтрея жил легко и поступал по-своему, что глубоко тронуло Линь Гофэна. И что важнее всего, он с радостью подумал о том, что в будущем... у него всё же получится разделить ложе с возлюбленной!

— У меня есть один комплекс боевых искусств Шаолиня, парень, смотри внимательно!

Мастер Майтрея и впрямь демонстрировал движения очень медленно: захваты, заломы, замки, блоки, сцепления, удары, выкручивания... Каждое движение было безупречно отточено, каждое положение — уникально. Линь Гофэн затаил дыхание, сосредоточил мысли и очистил разум от посторонних забот, погрузив мозг в состояние абсолютной пустоты и одухотворенности. Он запечатлевал в памяти каждое движение и стойку, оставаясь абсолютно невосприимчивым к внешнему миру. Эту способность он годами развивал в тишине дикой природы, под грохот низвергающихся водопадов, достигнув состояния, когда в сердце есть абсолютно всё, но в то же время нет ничего.

Разумеется, в достижении такого состояния не обошлось без преображения, дарованного Сяо Фэнь.

Каждое движение Мастера Майтрея впечатывалось в мозг Линь Гофэна словно живая картина. Закончив комплекс, Мастер Майтрея замер, сложил руки в приветствии и произнес:

— Благочестивый Линь, я показал всё, на что способен.

Заметив, что Мастер Майтрея стоит перед ним с ровным дыханием и даже не покраснелся, Линь Гофэн захлопал в ладоши и восхищенно воскликнул:

— Потрясающе! Это поистине уникальное искусство в нашем мире. Но три фута льда не замерзают за один день — десятилетия внутренней практики мастера действительно поражают воображение.

Мастер Майтрея скромно улыбнулся:

— Благочестивый Линь, вы слишком добры.

Линь Гофэн сказал:

— Мастер, у меня скудные способности, и я смею надеяться на ваши наставления.

Мастер Майтрея без лишних уговоров ответил:

— Благочестивый Линь, прошу.

Линь Гофэн намеренно двигался медленно, используя лишь два-три процента своей силы, и время от времени совершал ошибки. Мастер Майтрея, будучи человеком добрым и искренним, то и дело поправлял его и объяснял тонкости применения каждого приема.

Закончив тренировку, Линь Гофэн поблагодарил Мастера Майтрея. Тот, понаблюдав за ним, изумленно произнес:

— У молодого господина потрясающие способности к постижению, такими темпами через полгода-год он сможет постичь самую суть.

Линь Гофэн с улыбкой ответил:

— Настоятель льстит мне. Боюсь, недостойному и за три-пять лет освоить лишь поверхностную шелуху.

<http://bllate.org/book/21109/2142453>